

А.В. Карабыков

ПУТЕМ АДАМА: ПРОБЛЕМА ВОССОЗДАНИЯ ИЗНАЧАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ПАРАЦЕЛЬСИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Карабыков Антон Владимирович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии естественнонаучного профиля. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4; e-mail: meavox@mail.ru

В работе исследуется система вер и презумпций, лежавшая в основе лингвофилософских и семиотических построений Парацельса и его последователей, а также заданные ею воззрения на сущность и способы обретения первоначального языка, развитие в его учении. Эта система и взгляды рассматриваются в контексте «адамического» проекта XV–XVII вв. и парацельсианского учения в целом. Особое внимание уделено Парацельсовой интерпретации библейских сюжетов о сотворении мира и человека, первоначальном установлении имен и грехопадении, поскольку она проясняет смысл указанных построений. Доказывается, что в свете данной доктрины обретение, как и само создание, первоязыка прямо зависит от владения искусством толкования сигнатур (*Kunst signata*), вложенных Богом в природные вещи. Это искусство играло главную роль в адамических спекуляциях парацельсианцев, сдвигая на задний план собственно лингвофилософскую проблематику. Так что Адам выступает образцовым герменевтом природного мира, а библейский нарратив о наречении животных и птиц (Быт. 2.19–20) используется в основном для легитимизации учения о сигнатурах, которое занимало центральное место в парацельсианской медицине и философии природы. Статью дополняет сокращенный перевод трактата немецкого ученого Вольфганга Амвросия Фабриция «Ботанический вопрос. О сигнатурах растений» (1653), посвященный критическому разбору этой парацельсианской доктрины с позиций умеренного галенизма, доминировавшего в университетской медицине той эпохи.

Ключевые слова: Парацельс, ренессансный неоплатонизм, эмблематическое мировоззрение, герменевтика природы, сигнатуры вещей, Книга Бытия, история науки и медицины

Для цитирования: *Карабыков А.В.* Путем Адама: проблема воссоздания изначального языка в парацельсианской философии // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 2. С. 68–96.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18–011–00601 «Книга Природы» в контексте герменевтических стратегий Возрождения и раннего Нового времени».

«Язык Адама и, конечно, внутренний смысл его, который некоторые селят-ся постичь, надеясь в именах, данных Адамом, узреть сущности вещей, нам совершенно неизвестен», – констатировал Лейбниц, давая понять, что все проекты воссоздания мифического первоязыка обречены на провал, даже если кто-то считает иначе¹. В последнее десятилетие XVII в., когда были написаны эти строки, такого рода энтузиасты были уже редки и мало влиятельны. Но столетием ранее к ним относилось едва ли не большинство европейских интеллектуалов. Многие из них полагали, что язык Адама существует в виде конкретного исторического наречия (на его роль чаще всего выдвигался иврит) или системы письма (нередко в качестве таковой рассматривалась древнеегипетская иероглифика) и потому более или менее известен². Напротив, другие исходили из тезиса, который позднее озвучил Лейбниц, но завершали его контрарным выводом: первоначальный язык человечества утрачен, однако может быть найден. Может и должен, и эта мысль претворялась в серии интеллектуальных начинаний, часто не имевших между собой почти ничего общего. Но если вписать их в контекст так называемого адамического проекта – умственного движения XV–XVII вв., вдохновленного мечтой о реставрации изначального языка, мы убедимся, что эти инициативы представляли собой один из моментов его диалектики. Начавшись с доказательства первичности определенного языка (стратегия I «обосновать»), этот проект прошел в своем развитии через точку поисков знаковой системы Адама (стратегия II «найти») и завершился разделением на два пути – мистический (стратегия III «принять» в качестве дара свыше) и рационалистский (стратегия IV «создать» искусственную замену)³. Эти два последних направления строились на представлении о том, что первоначальный язык всецело утерян и не может быть восстановлен – по крайней мере, человеческими усилиями. Именно это имел в виду Лейбниц, уделявший большое внимание адамической проблематике. Вынося вердикт всем предшествующим спекуляциям, связанным с нею, он стремился показать необходимость субститута первоязыка в виде сугубо рациональной знаковой системы. Посвятив многие годы его созданию, он потерпел фиаско, но сам замысел был признан впоследствии финальным актом адамической утопии Ренессанса.

В этой статье речь пойдет о поисках первоначального языка, составивших содержание второй стратегии («найти»). Сначала я дам ее краткий очерк и охарактеризую те духовные условия, в которых могли культивироваться эти поиски. Затем сконцентрируюсь на одном из главных ее вариантов, разработкой которого занимался Парацельс и его последователи – представители так называемой «химической философии». В конце будут рассмотрены основы учения о сигнатурах, фундировавшего адамические спекуляции парацельсианцев.

¹ Лейбниц Г.-В. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 502.

² См.: Карабыков А.В. Трансформация метафизики первоначального языка в ренессансном каббализме // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 186–197; Карабыков А.В. Язык Адама, иероглифика египтян и «эмблематическое мировоззрение» Ренессанса // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 133–144.

³ См.: Карабыков А.В. «И нарек человек имена...»: стратегии воссоздания адамического языка в культуре Ренессанса // Человек. 2014. № 5. С. 114–131.

Культурный контекст

В зависимости от того, где полагали обрести ключи к утраченному языку Адама, стратегия II «найти» делилась на два извода. В согласии с первым, поиски праязыка должны были начинаться с изучения знаков (сигнатур), начертанных от века Творцом в вещах и стихиях природы. Предполагалось, что будучи познанными, сигнатуры могут быть неким образом переведены в единицы языка, отличного от всех наличных наречий тем, что точно и полно отражает сущность творений. Приверженцы этого взгляда считали, что именно так действовал сам Адам, когда давал имена животным (Быт. 2:19–20), и что есть возможность повторить его ономато-поэтический путь. В свете второго варианта полем для поисков служили доступные языки и тексты, где, как думали его адепты, «рассыпаны осколки» первоязыка, из которых – при наличии верных метода и теории – можно воссоздать целое. Вместе с тем преобладавшая тенденция состояла в том, чтобы сближать, а не противопоставлять эти изводы. Не так уж редко их поддерживали одни и те же интеллектуалы, отдавая приоритет одному варианту, но и не теряя из виду другой.

Это не блокировало, однако, и стремления к тому, чтобы как можно дальше развести «природный» и «лингвистический» варианты, попытавшись реализовать их в чистом виде. Но, проведенная до конца, такая реализация означала демонтаж или, по крайней мере, кардинальную трансформацию адамического проекта с его идеалом «человеко-природного» языка. Так, часть ученых, работавших единственно с языковым материалом, пришла к идее своеобразной «этимологической дистилляции»⁴. Она заключалась в том, чтобы из всей доступной массы этого материала выделить элементы, кажущаяся универсальность которых побуждала видеть в них первообразные, адамические единицы. Но эти последние уже не имели тех свойств, которые в глазах многих составляли уникальность изначального языка – эпистемического совершенства, проистекавшего из его особого причастия бытию, и магической мощи. Напротив те, кто фокусировал внимание на природе, менее или более строго отделенной от мира культуры, либо абсолютизировали значение природных знаков, «обесценивая» поиск первоязыка человечества, как Парацельс (1493–1541), либо, как Фрэнсис Бэкон (1561–1626), целенаправленно стирали семиотический слой с лица природы, уча видеть ее исключительно в вещественном измерении. В этом случае, как и в ситуации с «дистилляцией», изменение и подрыв адамического проекта были побочным следствием глобальной – метафизической – реформы, связанной с разрушением эмблематического мировоззрения Ренессанса.

С позиции ренессансного мировидения природа казалась «написанной на языке эмблем»⁵. Господствовавшая тогда онтологическая картина не знала строгих границ между природно-вещественной и культурно-семиотической областями. Две этих сферы «естественно» перетекали друг в друга через посредствующие домены, образуемые смешанными формами. Переходя от лингвистического полюса в сторону чисто физического, человек

⁴ *Aarsleff H.* From Locke to Saussure: Essays on the Study of Language and Intellectual History. Minneapolis, 1982. P. 282.

⁵ *Ashworth W.B., Jr.* Emblematic Natural History of the Renaissance // *Cultures of Natural History.* Cambridge, 1996. P. 36.

вступал в область семиотических произведений иного, не вербального, порядка: собственно эмблематики, иероглифики, геральдики и т.п. Как правило, их бытийный статус считался более высоким, чем у слова, поскольку в состав таких произведений чаще всего входили образы природных вещей, благодаря контексту являвшие свой сокровенный смысл, адресованный человеку⁶. Описанная область граничила с иной, по преимуществу природной, сферой, в которую – при взгляде в противоположной перспективе – переходил мир физических объектов. То была сфера природной сигнификации, которая охватывала совокупность знаков, запечатленных Богом в творениях. Эти знаки именовались рядом синонимов, взятых из обоих культурно-семиотических доменов: иероглифами, эмблемами, письменами, начертаниями, буквами и т.п.⁷ Не составлял исключения и термин «сигнатура» (*signatura*), который был введен в оборот парацельсианцами и восходил к корню, означавшему подпись, печать, клеймо.

Представление о взаимопереходе культурной и природной сфер бытия находило выражение в исследовательской практике того времени, направляемой энциклопедическим идеалом. Икона ренессансной учёности, цюрихский эрудит Конрад Гесснер (1516–1565) стяжал прижизненную славу и как создатель самого обширного описания мировой фауны, представленного в фундаментальной «*Истории животных*» (*Historia animalium*, 1551–1558), и как блестящий знаток языковой истории, изложенной в его «*Митридат*» (*Mithridates*, 1555). Он же интересовался древнеегипетской иероглификой, в которой видел знаки, превосходящие в эпистемическом плане единицы языка, но уступающие «образам и формам, начертанным в вещах природой»⁸. Такого рода образам, запечатленным в животных и птицах, отведено значительное место и в его зоологической «*Истории*». Это указывает на взаимосвязь всех направлений деятельности Гесснера, финальной целью которой было восстановление мудрости праотцев, пострадавшей от грехопадения и последующих катастроф. «Что может быть похвальней из всех [видов] гуманистических штудий, как не принятие долга... спасти от гибели прошлое и возратить соответствие слов вещам и вещей словам?» – вопрошал ученый в начале своей «*Истории*», держа в уме установление имен Адамом⁹. Подобный спектр научных интересов был свойствен многим ренессансным интеллектуалам: Иоахиму Камерарию, Николаю Тауреллу, Вольфгангу Францию, Улиссу Альдрованди, природоведческие труды которого вкуче с трактатами Гесснера и Франция считались источником сведений о знаках природных вещей¹⁰. Вдохновленный «*Митридатом*» Гесснера, молодой иезуит Афанасий Кирхер (1602–1680), один из завершителей

⁶ См.: *Schöne A. Emblematic und Drama im Zeitalter des Barock*. München, 1993. S. 26.

⁷ См., например: *Fabricius W.A. АПОРНА ВОНАНИОН. De signaturis plantarum*. Norimbergae, 1653. P. 1.

⁸ *Gesner C. De rerum fossilium, lapidum et gemmarum maxime, figuris et similitudinibus liber*. Zurich, 1565: «A natura vero rebus impressae imagines ac figurae». Здесь и далее цитаты из первоисточников даются в моем переводе. В сносках дается оригинал соответствующего фрагмента. Там, где в ссылках отсутствует номер страницы, оригинальный текст не имеет пагинации.

⁹ *Gesner C. Historiae animalium*. Lib. I De quadrupedibus viviparis... Zurich, 1551: «Quid vero laudabilius ex omni humanitatis studio quam suscipere tam liberale tamque laudabile munus renovandae vetustatis, vel ab interitu potius vendicandae, & nomina rebus, & res nominibus redendi».

¹⁰ См.: *Fabricius W.A. Op. cit.* P. 2.

энциклопедической эпохи, планировал создать «*Универсальную историю алфавитов и языков всего мира*» (*Characterum literarum linguarumque totius universi historia universalis*). По замыслу автора, она должна была включать среди прочего описание «знаков, начертанных Творцом природы в таких предметах, как животные, растения [и] камни»¹¹.

Завершая обзор исследуемой стратегии, отмечу, что, кроме внутренней сложности, ее анализ затрудняется тем, что в своем осуществлении она обычно дополнялась иными элементами адамического проекта. В частности, она могла соединяться с четвертой стратегией по формуле «*создать, чтобы найти*». Контаминации такого рода способствовало отсутствие четкого различия между созданием и нахождением, *creatio* и *inventio* в ренессансном мышлении. Ее самым красноречивым проявлением служили неисчислимы́е этимологии названий вещей и приисканные значения тех или иных природных странностей: комет, уродств, диковинных растений – словом, всего, в чем видели знамение¹². Кроме того, каждый вариант стратегии «*найти*» имел свое характерное дополнение. Те, кто чаял приблизиться к первоначальному языку через существующие наречия, как правило, привлекали элементы первой стратегии, образуя комплекс «*найти, чтобы обосновать*». Дело в том, что сторонники этого направления – к ним относились пионеры сравнительно-исторической лингвистики, обычно чуждые мистицизма, – почти всегда руководствовались определенной мифоисторической схемой. В соответствии с нею, им был известен не первоязык как таковой, а некий ближайший его отпрыск, генеалогически связывавший с ним все позднейшие наречия. И главной заботой этих ученых был поиск позитивных лингвистических данных, которые бы подтверждали правильность этой схемы. Тем, что нужно было доказать прежде всего, являлось наличие у «ближайшего отпрыска» уникальных черт, которые сближали его с языком Адама и отличали от всех остальных наречий. В свою очередь адвокаты пути Адама, ведшего от природных вещей и знаков к именам первоязыка, были лишены такого мифоисторического «компаса». Они стояли перед вопросами, которые грозили оказаться неразрешимыми: как именно можно распознать и объяснить сигнатуры совершенным образом и как затем перевести извлеченное из них знание в систему имен по примеру Адама? Это нередко побуждало их привлекать третью стратегию. Создавая комплекс «*принять, чтобы найти*», они возлагали надежды на сверхъестественное озарение, которое только и могло помочь разрешить им эти загадочные вопросы. Как писал Джон Эллистоун (ок. 1625–1652), наследник Парацельса по теософской линии, начатой Якобом Бёме (1575–1624), сигнатуры – этот «язык Природы», раскрывающий людям пользу природных вещей, – познаются только при содействии Духа Святого¹³.

Очерченные расширения двух версий второй стратегии сообщили каждой из них характерный оттенок: профанно-позитивный в первом случае, религиозно-мистический во втором.

¹¹ Цит. по: *Stolzenberg D. Universal History of the Characters of Letters and Languages: An Unknown Manuscript by Athanasius Kircher // Memoirs of the American Academy in Rome. 2011–2012. Vol. 56–57. P. 318.*

¹² См.: *Rothstein M. Etymology, Genealogy, and the Immutability of Origins // Renaissance Quarterly. 1990. No. 43 (2). P. 344–346; Карабыков А.В. «И нарек человек имена...». С. 125–127.*

¹³ *Ellistone J. Preface to the Reader // Signatura rerum, or, The signature of all things... by Jacob Behmen, aliàs Teutonicus Phyllosophus. London, 1651.*

Адам-парацельсианец

До сих пор я говорил о предпосылках и общих условиях, определявших возможность обрести или хотя бы приблизиться к утраченному праязыку. Теперь, обращаясь к воззрениям тех, кто считал, что ключи к нему сокрыты в природных знаках вещей и что с помощью этих ключей можно повторить путь Адама-ономатета, я намерен показать, почему, вопреки многочисленным заявлениям, эта возможность оставалась сугубо декларативной. Поскольку носители данных взглядов (и авторы заявлений) в большинстве своем были парацельсианцами, или «химическими» философами, наш главный вопрос сейчас в том, какие моменты их доктрины, сколь бы размытой она ни была в действительности, в основном предопределили такую ситуацию? Всего разумнее спросить об этом ее основателя.

Швейцарский врач и мыслитель Теофраст Парацельс неоднократно апеллирует в своих писаниях к библейской теме наречения имен. Толкуя свидетельство Бытия, он, как и многие другие толкователи Вульгаты, заострял внимание на одной малозаметной сегодня детали: «*Appellavitque Adam nominibus suis* (курсив мой. – А.К.) *cuncta animantia...*» (Gen 2:20) – «И нарек Адам всех животных их [собственными] именами»¹⁴. Парацельс сопровождает свое прочтение следующим пояснением: «Следует знать сначала, что предустановленное искусство (*die Kunst signata*) учит давать всем вещам верные имена. Наш праотец Адам знал и владел им в полной мере. Поэтому сразу по завершении Творения он дал всем вещам, каждой в отдельности, их особые имена. <...> И то, как Адам нарекал их, было весьма угодно Богу, ибо он (Адам. – А.К.) делал это, исходя из истинного основания: не из своих измышлений, а из предопределенного (*praedestinierten*), или предустановленного искусства»¹⁵, почему он и стал первым семиотворцем (*signator*)»¹⁶. Но что за таинственное искусство имеет в виду швейцарский мыслитель? Речь идет о предвечном знании, вложенном в вещи при их творении и обнаруживаемом в знаках, которые в них начертал Создатель. Это конкретное, практическое знание, производящее умение правильно пользоваться вещами – прежде всего для исцеления и поддержания здоровья. По словам Парацельса, «*Scientia* должна быть воздействием, поскольку она сокрыта в природе»¹⁷. Такое знание (*Scientia*), как и искусство (*Kunst*), призванное открывать его человеку, в этом смысле является предустановленным. С его помощью Адам смог произвести образцовую герменевтику

¹⁴ В синодальном переводе это многозначительное местоимение отсутствует: «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» (Быт. 2:20).

¹⁵ Ср. такое же отождествление у Освальда Кролла: «...*ex arte praedestinata, id est signata*» – «из искусства предопределенного, т.е. предустановленного» (*Crollius O. Tractatus de Signaturis internis rerum, seu de vera et viva anatomia majoris & minoris mundi // Crollius O. Basilica chymica...* Genevae, 1643. P. 38. В силу этих контекстуальных сближений я перевожу латинизм «*signata*» как «предустановленное», но стоит помнить о других, также релевантных, его значениях («запечатленное», «обозначенное», «замеченное»).

¹⁶ *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 11. München; Berlin, 1928. S. 397*: «Da sollen ir erstlich wissen, das die Kunst signata leret die rechten namen geben allen dingen. die hat Adam unser erster vater volkornlich gewußt und erkantnus gehabt. dan gleich nach der schöpfung hat er allen dingen eim iedwedern seinen besondern namen geben... und wie er sie nun tauft und inen namen gab, also gefiel es got wol, dan es geschach aus dem rechten grunt, nit aus seinem gut gedunken, sonder aus praedestinierten Kunst, nemlich aus der Kunst signata, darumb er der erst signator gewesen».

¹⁷ *Ibid.* S. 192: «Alfo muß scientia ein einfluß sein, dan sie ist verborgen in der natur».

природного мира и, «прочтя» сигнатуры вещей, перевести их в имена первозданного языка. Поэтому предустановленными и, стало быть, принадлежавшими вещам до появления праотца являлись также эти имена, что, на взгляд Парацельса, проливает свет на акцентированную им деталь библейского стиха. Мысля язык вторичным и до известной степени искусственным созданием по отношению к сигнатурам, натурфилософ сводит адамическую проблематику к задаче овладения *Kunst signata* и постижения системы природных знаков. В силу той же причины он сознательно разделяет мудрость Адама и его язык, расходясь в этом с ренессансными каббалистами.

Да, наш праотец в совершенстве расшифровал сигнатуры и познал по ним сущность вещей. Но в глубокой древности были и другие знатоки «предустановленного искусства», отождествляемого с подлинной Каббалой и магией: Авраам, Моисей, Соломон, халдейские и египетские мудрецы¹⁸. Значит, нужно признать, что Адам не имел иной когнитивной организации до изгнания из Рая, а его грехопадение по существу не изменило ни человеческого естества, ни всего строя природы. Утратив часть своей независимости от мира, он оказался теперь во власти астральных сил и земных стихий. Эта плененность материей повинна в том, что на всем протяжении истории духовные потенции человечества не находили должного осуществления. Но в принципе они осуществимы, и те немногие, кто был способен на это, приобретали мудрость и власть управлять природой, сравнимые с теми, что были свойственны праотцу. Такое положение дел сохраняется во все времена¹⁹. Показательно, что, уменьшая тяжесть грехопадения, Парацельс проходит мимо другой библейской катастрофы – Вавилонского смешения языков²⁰. В отличие от Бёме, много размышлявшего над этим событием, его предшественник не находил его по-настоящему фатальным. Распад языкового универсума не мог причинить вред «предустановленному искусству» толкования сигнатур, в котором был и остается до скончания мира залог восстановления первозданного языка.

Знакомые с интерпретацией ключевых тем Бытия, предложенной Парацельсом, мы не будем удивлены безграничным оптимизмом, которым исполнена его теория познания. «Всё то, что Бог создал на благо людям, Он дал им как собственность в руки, ибо не желал, чтобы оно оставалось утленным. И пусть всё это было создано сокрытым, Он не оставил их (творения. – А.К.) без внешних видимых знаков, которые бы указывали на особое предназначение [всякой вещи]»²¹. Благодаря сему «замечательному предопределению», человеку по силам отыскивать «сущность и свойство всякого

¹⁸ См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 2. München; Berlin, 1930. S. 36; Paracelsus. Aurora Thesaurusque Philosophorum, Theophrasti Paracelsi, Germani Philosophi et Medici cunctis omnibus accuratissimi. Basiliae, 1577. P. 8–10.* Авторство последнего трактата остается проблематичным. По всей вероятности, он принадлежал перу одного из ранних представителей парацельсианства.

¹⁹ См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 11. S. 183; Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 14. München; Berlin, 1933. S. 115–116.*

²⁰ Тема вавилонского смешения вскользь упоминается в его работе «Предсказание на следующие 24 года» (*Die Prognostikation auf 24 zukünftige Jahre, 1536*). См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 10. München; Berlin, 1928. S. 634.*

²¹ *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 11. S. 393*: «Das alles was got erschaffen hat dem menschen zu gutem und als sein eigentumb in seine hent geben, wil er nit das es verborgen bleib. Und ob ers gleich verborgen, so hat ers doch nicht unbezeichnet gelassen mit auswendigen sichtbarlichen zeichen, das dan ein sondere praedistination gewesen».

творения, произведенного Богом», и таким образом постепенно обретать опытность²². Понятие опытности (*experientia*), одного из центральных в доктрине нашего автора, сопряжено с «извлечением» и усвоением из вещей присущего им разумного, закономерно-целесообразного начала, которое Парацельс трактует как их внутреннее знание (*scientia*). Он отличает опытность от эксперимента (*experimentum*) – результата или опыта, понимаемого как случайное открытие свойств и эффектов предмета, которое не основано на постижении сигнатур и причинно не связано с пониманием его сущности и принципа действия. И поскольку природные знаки открывают доступ к фундаментальному знанию, философ иногда отождествляет сигнатуры со *scientia*²³.

Парацельсов оптимизм питался верой в истинность его учения о сигнатурах, а оно в свою очередь процветало на почве антропоцентрических и антропоморфических воззрений, самым значимым из которых была аналогия макро- и микрокосма. Владевшая умами многих ренессансных интеллектуалов, в трудах парацельсианцев она нашла, пожалуй, самое полное выражение. Кроме того, наш автор развил учение о двух источниках интеллектуального света, ставшее одним из догматов «химической» философии. Согласно этой доктрине, до своего падения праотцы воспринимали мир в благодатном свете, который изливался из Бога. По изгнании же из Рая людям был дан свет природы, частично восполнивший эту утрату. С начала земной истории он направлял познание смертных, помогая им выжить в ставшем враждебным мире. Парацельс замечает, что, питаемые светом природы, человеческие науки не могли достичь скорого совершенства. Требовалось медленное развитие, апофеозом которого стало возвращение в мир благодатного света, вызванное приходом Мессии²⁴. С тех пор наряду со спасением в вечности верующие в Христа призваны обретать полноту познания природы²⁵. И если *de facto* только немногие из них способны на это, виной тому служит приверженность доктринам античных классиков, искаживших «древнюю мудрость», перенятую с Востока²⁶. Другую причину расхождения между призывом и реальностью Парацельс видит в нехватке психологической дисциплины, необходимой для закалки воли и развития воображения, без обращения к которым не достичь знания и власти над природой²⁷.

Считая себя свободным от этих изъянов, наш автор представлялся образцовым христианским ученым, который борется с языческими заблуждениями галенистов²⁸ и предлагает миру приобщиться к изначальному

²² *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 14. S. 116*: «Ein ieglich werk das got beschaffen hat, des wesen und eigenschaft ist dem menschen müglich zu ergründen». См. также: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 11. S. 148–149*.

²³ Ср.: «Сигнатура – это знание, посредством которого обнаруживается каждая скрытая вещь» – «*signatura ist scientia durch die all verborgen ding gefunden werden*» (*Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 2. S. 89*). См. также: *Майер П. Парацельс – врач и провидец. Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме. М., 2014. С. 367–371*.

²⁴ *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 8. München; Berlin, 1924. S. 291–292*.

²⁵ *Ibid. Bd. 12. München; Berlin, 1929. S. 23, 150–151*.

²⁶ См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 2. S. 7–8, 25; Paracelsus. Aurora Thesaurusque Philosophorum. P. 11–13*.

²⁷ См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 12. S. 485; Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 14. S. 520*.

²⁸ См.: *Temkin O. Galenism: Rise and Decline of a Medical Philosophy. Ithaca; L., 1973. P. 129–133*. По словам Темкина, единственным светилом классической медицины, чей авторитет признавал Парацельс, был Гиппократ.

знанию с помощью «предустановленного искусства» толкования сигнатур. Ставя в зависимость от *Kunst signata* создание и развитие языка, Парацельс как будто обнадеживает читателей: еще одно усилие мысли, и он раскроет перед нами тайну первоязыка, с триумфом завершив путь Адама. Но он не делает этого шага, по-видимому, находя его слишком... банальным. Хотя наш автор ничего не говорит об этом прямо, тут же, после приведенных слов о «первом семиотворце» Адаме, делает реверанс гебраизму. Не отождествляя иврит с первозданным языком человечества, Парацельс признаёт, что в их основе лежит одинаковый принцип, в силу чего иврит содержит «правильные имена, [обозначающие] каждую вещь по её виду и отличительному свойству»²⁹. Впрочем, он сразу дает понять, что не следует видеть в этом что-то уникальное и просто редкостное, поскольку под данным принципом разумеется обычный метафорический перенос. Характер приводимых примеров не оставляет в этом сомнений. Обращаясь сначала к внутренним формам древнееврейских имен животных («слово “свинья” обозначает животное нечистое, “лошадь” – сильное и выносливое»), Парацельс переходит к знакомым нам практикам создания прозвищ и народных названий растений, где находит тот же самый перенос на основе сходства (ср. «свинья» для прозвания грязнули и т.п.)³⁰. Как можно заключить отсюда, единственное, чем продиктована необходимость знания «предустановленного искусства» для установления имен, состоит в том, что с его помощью можно отыскать важнейший признак, чье название будет положено в основу имени целой вещи. Но если распространить этот вывод на ситуацию изначального именования (Быт. 2:19–20), мы будем вынуждены признать, что язык Адама в своих исходных элементах был произвольным, не отличаясь в этом от любых других наречий. В нем должны были иметься немотивированные первослова вроде упомянутых «грязный» и «выносливый», чтобы затем стать материалом для создания внутренних форм иных – уже мотивированных – имен. Несмотря на то, что сам натурфилософ не доводит эту мысль до конца, вполне ясно, что при взгляде с такой позиции адамический язык не таил загадок, и что если не восстановить, то создать его сносный аналог по силам многим.

Итак, мы видим, что, по мнению Парацельса, даже совершенный человеческий язык является вторичной и в известной степени искусственной системой, необязательной для целей познания: «свет человеческий открывает чудесные творения Бога, не обращаясь [за помощью] к языку»³¹. Начиная с Адама, люди могут познавать мир прежде всего в силу извечной согласованности их разума со знаками природных вещей, лежащей в основании *Kunst signata*. Соответственно, праотец создал язык не столько из когнитивных, сколько коммуникативных нужд. Он не желал возводить стены семиосферы, отделяющие его от природы, которая была для него источником интеллектуального света и, несмотря на грехопадение, естественной смысловой средой. По этой причине, свершив свой языкотворческий путь, Адам, тем не менее, предпочитал направлять взгляд и ум на его исходную точку.

²⁹ *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 11. S. 397–398*: «...Aus hebraischer sprach auch die rechten namen herfließen und erfunden werden, einem ietwedern nach seiner art und eigenschaft».

³⁰ См.: *Ibid. S. 398*.

³¹ *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 14. S. 117*: «Die wunderwerk gottes die lernt das liecht des menschen und fragt die zungen nit darumb».

Швейцарский врач утверждает, что основным занятием праотца было изучение природного мира, движимое медико-фармакологическими мотивами. Через «чтение» сигнатур парацельствующий Адам постигал целебные свойства творений, и это позволило ему прожить удивительно долгую жизнь, борясь с вошедшей в мир смертью³². Соответственно, главное, что заслуживает скорби в связи с участием праотца и всего человечества, – это не грехопадение как таковое, а вызванное им забвение «предустановленного искусства». Владение им составляло квинтэссенцию Адамовой мудрости: по отношению к этому создание языка было не более чем довеском, имевшим скромное значение с точки зрения преобладавших интересов «первого парацельсианца». И это притом, что наш автор намного увеличил масштаб деяния Адама, в сравнении с тем, что говорила о нем буква Писания и следовавшие ей ортодоксальные экзегеты, от Августина до Кирхера. Парацельс полагал, что, познав сигнатуры, праотец дал имена всем природным вещам без исключения, а не только «скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2:20). Но сколь бы внушителен ни был объем референтов у первоизданного языка, последний был малой частью великого знакового ансамбля, объединявшего природную и культурную области бытия, и осмыслять его надлежало в этой пансемиотической перспективе³³.

Не менее оригинально швейцарский философ решал проблему магичности изначального языка. Как сторонники, так и противники системы идей, лежавшей в основе адамического проекта, обычно усматривали каузальную связь между уникальной «природностью» праязыка и свойственным ему магическим потенциалом³⁴. Сокращая различие между эдемским и всяким другим наречием, Парацельс отрицал такого рода зависимость. Мы знаем уже, что, с его точки зрения, все языки, включая Эдемский, имели единую сущность. Вместе с тем он считал, что их отдельные элементы действительно могут влиять на реальность. Это воззрение стало следствием концептуальной реформы магии, одним из «отцов» которой был наш автор. Говоря очень кратко, суть изменения заключалась в психологизации магии. Центральным источником оккультной силы были признаны воля, вера и воображение заклинателя, в то время как внешние средства, включая словесные формулы, переосмыслены как вспомогательные³⁵. Если у них все же имеется собственный «ток», они принимают его от звезд, с которыми пребывают в бытийной связи. Эти магические влияния тоже рассматривались Парацельсом *sub specie medicinae* – как благотворные или зловредные для человека и прочих существ. Сводя к общему – медицинскому – знаменателю магию, астрономию и алхимию, швейцарский мыслитель считал настоящих

³² См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 3. München; Berlin, 1930. S. 185; Crollius O. Basilica chymica. Genevae, 1643. P. 210 (Praefatio admonitoria).*

³³ См.: *Bianchi M.L. Signatura rerum: segni, magia e conoscenza da Paracelso a Leibniz. Roma, 1987. P. 70.*

³⁴ Ср. тезис Агриппы Неттесгеймского: «Ибо только первичные, верно установленные имена обладают естественной действенностью, так как означают по природе [а не по человеческому произволу]» – «...Sola enim nomina primaria quae sunt recte imposita, quia significant naturaliter, activitatem habent naturalem» (*Agrippa ab Netteszheim. De Occulta Philosophia. Libri Tres. Coloniae, 1533. P. 95*). См. также: *Sennertus D. De chymicorum cum Aristotelicis et Galenicis consensu ac dissensu. Wittebergae, 1619. P. 606–624.*

³⁵ См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 14. S. 521, 529; Koÿpe A. Мистики, спиритуалисты, алхимики Германии XVI века. Долгопрудный, 1994. С. 55–58, 73.*

магов врачами высшего уровня, которым доступен самый широкий спектр терапевтических средств. Он также учил, что с помощью звезд и знамений они умеют предвосхищать грядущее³⁶.

Kunst signata

Рассмотрев воззрения Парацельса на первоначальный язык, я бы хотел остановиться на том аспекте адамических штудий, который играл ключевую роль в «химической» философии, а именно на «предустановленном искусстве» толкования сигнатур. Видя часть своей миссии в его реставрации, Парацельс утверждал, что это искусство было добыто Адамом из природных вещей и с началом земной истории сохранялось восточными мудрецами как ключ к истинной медицине и философии. Затем, испорченное эллинской надменностью и страстью к софистике, оно серьезно пострадало от ошибок. К числу последних относились «ложные названия», данные едва ли не всем болезням «анти-Адамами» классической медицины³⁷. Заблуждения, вызванные логоцентризмом греков, имели губительные последствия в истории европейского человечества, чья духовная жизнь окостенела из-за культа книжной учености и власти внешних авторитетов, деградации личной воли и воображения. В этом диагнозе легко распознать формулу панацеи, которую предлагает наш автор, превозносящий важность опытного и независимого изучения природы. Он призывает своих читателей «делать странниками, чтобы испытывать и постигать вещи», а не чужие мнения о них³⁸. Взятая в радикальной форме, как того требует сам философ, эта установка была утопической: свободное от теории наблюдение попросту невозможно. И Парацельс, который действительно много странствовал в отличие от своих «апостолов», нашедших успокоение в его доктрине, только сменил, а не устранил власть книг и авторитетов. На место господствовавшего галенизма он попытался поставить эклектическую смесь идей и теорий, почерпнутых им из ученой традиции и народной культуры и обогащенных собственными находками³⁹. Так, если говорить о «сигнатурной» доктрине, ее корни уходят в низовые медицинские практики и воззрения отдельных античных натуралистов⁴⁰.

Основной принцип учения о природных знаках вполне безыскусен: «Природа помечает каждую вещь таким образом, что из нее [самой] видно, для чего она [может быть] полезна»⁴¹. Такие пометы всегда почти сводятся

³⁶ См.: *Benzenhöfer U., Gantenbein U.L. Paracelsus // Dictionary of Gnosis & Western Esotericism. Leiden; Boston, 2006. P. 927.*

³⁷ См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 4. München; Berlin, 1931. S. 4.*

³⁸ *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 2. S. 4: «[...]Er dan] sol ein perambulanus sein, darumb er vil erfahren hab, wisse und verstant». См. также: Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 11. S. 26–27.*

³⁹ См.: *Koïpe A. Указ. соч. С. 49, 94; Pagel W. Paracelsus. An Introduction to Philosophical Medicine in the Era of Renaissance. Basel; N.Y., 1982. P. 350.*

⁴⁰ См.: *Haage B.D. Paracelsus zwischen Spiritualität und Wissenschaft // Mystik und Natur. Zur Geschichte ihres Verhältnisses vom Altertum bis zur Gegenwart. Berlin; N.Y., 2009. S. 96; Bennett B.C. Doctrine of Signatures: An Explanation of Medicinal Plant Discovery or Dissemination of Knowledge? // Economic Botany. 2007. No. 61 (3). P. 247–248.*

⁴¹ *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 2. S. 86: «Die natur zeichnet ein ietlichs gewechs so von ir ausgêt zu dem, darzu es gut ist».*

к сходству между данным предметом и объектом его благотворного действия. Это сходство может проявляться в любом отношении, прямым или опосредованным способом⁴². Так что многообразие сигнатур включает в себя примеры очевидного подобия между вещью (будь то растение, минерал и т.д.) и, скажем, органом тела или признаками болезни, против которой она применяется⁴³. Но оно же объемлет умозрительно выводимые, теоретически опосредованные соответствия, приписываемые объектам, не имеющим на поверхности ничего общего. Лучшей иллюстрацией внешних сходств, говорящих о внутренних свойствах, служат медико-ботанические таблицы, созданные немецким парацельсианцем Освальдом Кроллом (ок. 1560–1608) в труде «О сигнатурах» (*De signaturis*, 1609). Показательный случай спекулятивного соответствия можно найти у самого Парацельса. В «*Гербарии*» (*Herbarius*), одном из ранних своих трактатов, он проводит мысль, что магнит – это действенное средство от недугов, так или иначе связанных с кровью. В доказательство приводится такая причинная цепь: магнит метонимически соотносится с железом, а оно в свою очередь подчиняется Марсу. Эта планета курирует все относящееся к военному делу и, в частности, вооружение, которое изготавливается из железа и ассоциируется, как война в целом, с идеей кровопролития. Кроме того, в плане макро- и микрокосмической аналогии Марс метафорически ассоциируется с кровью в человеческом организме⁴⁴.

Чем более абстрактным и косвенным являлось сходство и таинственней сигнатура, тем тяжелее был груз теории, которая применялась в обосновании тройственной связи, соединявшей означающее (чувственный знак) с «ближайшим» (целебное свойство) и «дальнейшим» (объект воздействия этого свойства: обычно орган или болезнь) означаемыми. Парацельс, чья живая фантазия и синкретическая установка позволяли строить сколь угодно прихотливые и сложные спекуляции, не имел единой медицинской теории. Он создал как минимум две исключавшие друг друга нозологические концепции, и его последователи в целом лишь усугубили дробность «химической» медицины⁴⁵. Но ее метафизический фундамент был по преимуществу неоплатоническим⁴⁶. В него входили принципы вселенской симпатии, панпсихизма, сущностной сопричастности элементов всех онтологических уровней. В согласии с ними мироздание являлось пронизанным единым оживляющим духом и охваченным сетью корреспонденций, тяготений, отталкиваний. В этой вселенной не было ничего сугубо физического: все обладало в ней хотя бы толикой жизни, души, разумения и сродства с человеком, что, на взгляд парацельсианцев, оправдывало «фантастически растянутое» (на взгляд Бэкона) использование аналогии между «большим» и «малым» мирами⁴⁷.

⁴² См.: *Sennertus D.* Op. cit. P. 589; *Porta I.B.* *Magiae naturalis libri viginti.* Hanoviae, 1619. P. 25–27.

⁴³ См.: *Paracelsus.* *Sämtliche Werke.* I Abt. Bd. 11. S. 210.

⁴⁴ См.: *Ibid.* Bd. 2. S. 49–52.

⁴⁵ См.: *Goltz D.* *Naturmystik und Naturwissenschaft in der Medizin um 1600 // Sudhoffs Archiv.* 1976. No. 60 (1). S. 55–58.

⁴⁶ По утверждению Н. Гудрик-Кларка, «натурфилософия и алхимия Парацельса положили начало специфически немецкой версии ренессансного неоплатонизма» (*Goodrick-Clarke N.* *The Western Esoteric Traditions: a Historical Introduction.* Oxford; N.Y., 2008. P. 80). См. также: *Pagel W.* Op. cit. P. 218–227.

⁴⁷ См.: *Bacon F.* *The Works.* Vol. III. L., 1870. P. 379–380; *Crollius O.* *Basilica chymica.* P. 25, 60–61 (*Praefatio admonitoria*).

Этой неоплатонической закваской Парацельсова учения объясняется та легкость, с которой его адепты соединяли астрологию, магию, каббалу, алхимию и доктрину природных знаков. Названные сферы ренессансной «окультуры» (термин Ханеграафа) строились на общей мировоззренческой почве. Так, Парацельс и другие «химики» нередко трактуют магию в духе теории сигнатур как инструмент обнаружения сокрытого в природе и на этом основании ассоциируют ее со знанием (*scientia*) и философией⁴⁸. При этом сама *Kunst signata* часто рассматривается ими в магико-астрологическом ключе – как наука, учащая о звездах, их влиянии на природный мир и использовании их энергий на благо человека⁴⁹. В этом не было ничего специфически парацельсианского, поскольку в ту эпоху идея астральной детерминации фундировала все многочисленные отрасли учения о сигнатурах. Возьмем, к примеру, физиогномику, хиромантию и близкие к ним искусства толкования телесных знаков, которые в XVI в. переживали небывалый расцвет. Применявшиеся в них эвристические схемы обычно не предполагали апелляции к очевидному сходству или смежности. Ее место занимало постулирование скрытых свойств, в силу которых вещи, считалось, могут взаимодействовать на расстоянии. В физиогномической теории любая внешняя особенность тела рассматривалась как знак планеты или звезды, которая отвечает за орган, отмеченный этой особенностью, и в то же время как манифестация психологического свойства, обусловленного этим светилом. Но как можно было обосновать бытийную связь (*conjunctio astralis*), скажем, между крупного размера носом, планетой Венерой и выдающейся похотливостью?⁵⁰ Не иначе как ссылкой на общие неоплатонические и герметические положения, вроде следующего: «Ибо низшие [предметы], то есть животные, растения, камни, металлы, получают свою силу от неба, небо от интеллигенций, те же от Творца, в котором все предсуществует с наибольшим совершенством»⁵¹. И если в сфере медицинской ботаники этот и подобные ему принципы могли находить известное опытное подтверждение, то применительно к физиогномике и смежным с ней «искусствам» они утверждались догматически, почти не имея опоры в самоочевидном. Не будет ошибкой считать, что основной массив физиогномических «фактов» обретался вовсе без их использования и что эти принципы часто примысливались *post hoc*. Бездонным источником материала служили здесь житейские наблюдения за корреляцией поведения и темперамента людей, с одной стороны, и их внешними чертами, с другой. Соответствующие обобщения кристаллизировались в форме примет и пословиц, игравших в жизни того времени заметную роль⁵².

⁴⁸ См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 11. S. 205–206; Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 14. S. 538.*

⁴⁹ См.: *Paracelsus. Aurora Thesaurusque Philosophorum. P. 14–15.*

⁵⁰ Этот пример взят из популярного медицинского трактата «Шедевр Аристотеля» (1680): *Aristotle's Compleat Master-Piece. Displaying the Secrets of Nature in the Generation of Man. L., 1728. P. 104.*

⁵¹ *Crollius O. Basilica chymica. P. 85 (Praefatio admonitoria): «Habent enim haec inferiora, dico Animalia, Herbae, Lapides, Metalla suam vim subministratum a Caelo, Caelum vero ab intelligentiis, hae autem ab Opifice, in quo omnia virtute maxima praeexistunt».*

⁵² Так, обоснование физиогномических толкований посредством народной мудрости можно встретить в трудах Парацельса и голландского врача Ливина Лемменса (1505–1568). См.: *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 11. S. 376; Lemnius L. De miraculis occultis naturae libri III. Coloniae Agrippinae, 1583. P. 219.*

Заключение

Возможность обретения первозданного языка посредством изучения сигнатур, идея чего лежала в основе соответствующей стратегии адамического проекта, активно декларировалась Парацельсом и его последователями до середины XVII в. При этом подступы к ее осуществлению были отмечены печатью парадоксальной закономерности. Все находившие возможным простое повторение пути Адама, который, по их мнению, был первым толкователем природных знаков и в силу этого идеальным ономатетом, не шли далее отвлеченных постулатов. Предпочитая оставаться в начальной точке заявленного пути, они посвящали себя исследованию вещей и их сигнатур, почти не интересуясь собственно лингвофилософскими темами. Адамический нарратив был нужен им прежде всего для интеллектуальной легитимизации своей деятельности, которая направлялась утилитарным, по преимуществу фармацевтическим, мотивом и разворачивалась в смежных сферах медицины, натуральной магии и алхимии. Именно эти интеллектуалы дали развитие концепции языка природы (*Natursprache*), фундаментальную разработку которой предложил Якоб Бёме.

Напротив, те из парацельсианцев, кто всерьез размышлял о существовании и воссоздании совершенного языка, видя фатальную закрытость пути Адама, приходили к созданию комбинированных стратегий. В соответствии с ними, исследование природных знаков должно было дополняться сходящим свыше озарением его субъекта (Бёме, Эллистоун и т.д.) или созданием новой знаковой системы, заменяющей первоязык (розенкрейцеры, Джон Уэбстер и т.д.). Таким образом, интеллектуалы этого толка, уверенные в том, что изначальный язык утрачен и не может быть воссоздан человеческими усилиями, приближали адамический проект к логическому концу. Следующим шагом в этом направлении стала кристаллизация и отделение соответствующих стратегий – мистической («принять») и рационалистской («создать»), с закатом которых завершился данный проект.

Катализатором данных процессов служила критика учения о сигнатурах и, шире, крах эмблематического мировоззрения в середине XVII в. Эта критика развивалась в двух направлениях, фактологическом и концептуальном, предполагавших и дополнявших друг друга. В первом случае оппоненты парацельсианцев – новаторы-бэкониианцы и консерваторы-галенисты – стремились показать радикальное противоречие их обобщений положению дел в природе. И самой удобной для этого была область медицинской ботаники, переживавшей в то время эпохальную трансформацию. Не кто иной, как Джон Рэй (1627–1705), ученый-эмпирик, преобразовавший науку о флоре, представил свод контрдоводов против «предустановленной науки» сигнатур. В частности, Рэй указывал, что большинство по-настоящему целебных растений не имеет особых знаков и что многим их видам свойственно ложное сходство, в силу чего доверие лжезнакам чревато ущербом здоровью. Кроме того, в различных частях одного и того же растения иногда угадывается сходство с разными органами тела, тогда как один и тот же орган может страдать от разных болезней, не покрываемых лечебными свойствами коррелирующего с ним растения. Наконец, похожие внешне растения могут действовать на организм совершенно по-разному⁵³. Все это, на взгляд

⁵³ Ray J. *Catalogus Plantarum circa Cantabrigiam nascentium*. Cantabrigiae, 1660. P. 110.

критиков, уподобляло «предустановленное искусство» гаданию на кофейной гуще, в которой каждый, не лишенный фантазии, мог отыскать все то, к чему его склоняли собственные ожидания и надежды⁵⁴.

Ответом на этот вызов стала модификация учения о природных знаках. Помимо варианта, дополненного иллюминационным моментом, получила развитие его слабая версия (Даниил Зеннерт, Уильям Коулз, Анжело Сала и др.), примирявшая в себе парацельсианские и галенистские принципы. Но и эти компромиссные формы смысла волна концептуальной критики, которая подрывала интеллектуальные основы «сигнатурной» доктрины, включая физиогномику, хиромантию, многообразные виды дивинации, расцветшие на почве ренессансного эмблематизма. Главными агентами этой критики стали представители новой – научной – философии. При всем различии их методов и теорий они разделяли установку на буквальное восприятие природы, свободное от традиционной историко-филологической «оптики». Они же отрицали веру в то, что мир был создан преимущественно ради человека неким антропомерным образом, позволявшим обретать полноту знания, «собирая» его с поверхности мира.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Вольфганг Амвросий Фабриций**

**Ботанический вопрос. О сигнатурах растений:
можно ли узнать по сигнатурам целебные свойства растений
в точности и совершенстве? (1653)****

- I. В устройстве вселенной различаются [сферы] эфирных и подлунных тел. Эфирные тела, [т.е.] небо и звезды, просты. Подлунные бывают простыми и составными. Простые называют стихиями (*elementa*), поскольку они вместе с небом образуют храмину Земли. Составные тела суть совершенно или несовершенно смешанные. К ним относятся [среди прочего] метеоры. Разделяются же они на неодушевленные и одушевленные и включают в себя минералы, металлы, растения, неразумных животных и человека.
- II. Из всех природных тел лишь те, что именуются смешанными совершенно, были помечены и различены всеблагим всемогущим Богом при их сотворении некими постоянными сигнатурами. Помимо свидетельства чувств, это подтверждают мнения самых известных авторов.

⁵⁴ *Vickers B. Critical Reactions to the Occult Sciences During the Renaissance // The Scientific Enterprise. Dordrecht, 1992. P. 43–92.*

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18–011–00601 «Книга Природы» в контексте герменевтических стратегий Возрождения и раннего Нового времени».

** Перевод (с сокращениями) выполнен по изданию: *Fabricius W.A. АПОРНМА БОТАНИКОН. De signaturis plantarum. Norimbergae, 1653.*

- III. Химики называют эти сигнатуры начертаниями, буквами, символами, немymi словами, иероглифами, знаками, обозначениями, значками, печатями, подобиями и признаками. Их обычно берут из запаха, вкуса, величины и пропорции, но чаще всего из цвета и наружности вещей. О сигнатурах также говорят, что они выявляют и указывают на внутренние силы или свойства предметов, в которых находятся¹.
- VII. Что касается знаков человека и отдельных частей его [тела], основной объем знаний [о них] доставляют хиромантия, метопоскопия и офтальмоскопия. <...>²
- VIII. И так как то, что я сказал в начале о всех вещах, находимых в тройственном царстве природы, вполне известно и правильно, я полагаю, что с не меньшей справедливостью можно утверждать, что сигнатуры такого рода не напрасно и случайно встречаются [в этих предметах], но в известной мере [действительно] раскрывают и обнаруживают [их] силы и свойства.
- IX. Чтобы прояснить суть дела в отношении одних растений, обходя молчанием все остальное, [спрошу]: кто не знает, что многие растения желтого, белого, красного и черного цвета либо уменьшают [в организме] количество желтой и черной желчи, слизи и крови [соответственно], либо исцеляют болезни, возникающие из их [дисбаланса]?³ Кто не знает, что немало растений, обладая каким-либо сходством с частями нашего тела, укрепляют их или (побеждая немощи) возвращают им начальную силу?
- X. Но можно ли узнать по сигнатурам целебные свойства растений в точности и полноте? – этот вопрос исследуют не из праздности: будучи крайне спорным, он вызывает распри в наше время. Ведь очевидно, что [каждая из сторон в этих спорах] непреклонно защищает свое решение: химики – утвердительное, галенисты – отрицательное⁴.
- XIII. Уча, что сигнатуры могут точным и полным образом свидетельствовать о сущности и свойствах растений, химики обосновывают свою позицию 1) [суждением] авторитетов, 2) примерами, 3) отвлеченным доказательством (*rationem*) и 4) опытом (*experientiam*).
- XIV. К числу [авторитетных] писателей относят Теофраста, Катона Старшего, Варрона, Колумеллу, Палладия, Руэллия, Диоскоридов,

¹ В пп. IV–VI перечисляются работы, в которых так или иначе обсуждается тема природных знаков, принадлежащих сферам минералов и металлов, растений и животных. В связи с «растительными» знаками упоминаются труды Джамбаттисты дела Порта и Освальда Кролла, а в связи с «животными» зоологические трактаты Аристотеля и других авторов, включая ренессансных классиков: Гесснера, Франция и Альдрованди.

² Далее перечисляются ныне забытые сочинения по этим искусствам. Метопоскопия и офтальмоскопия – определение характера и склонностей человека по лбу и глазам, соответственно.

³ Фабриций апеллирует к своего рода «слабой» версии учения о сигнатурах, вполне согласной с гиппократо-галеновской теорией гуморов, по которой здоровье зависит от равновесия в организме четырех указанных субстанций.

⁴ В пп. XI–XII Фабриций предлагает план, включающий: 1) аргументацию химиков; 2) доводы галенистов; 3) изложение собственной позиции; 4) ответ на возможные возражения.

- Плиния, Парацельса, Дж. Баптисту Порты, Кверцетана и Кролла – словом, всех тех, кого Клавдий Деодат перечисляет в первой книге «Медицинского пантеона»⁵.
- XV. И даже ссылаются на самих галенистов, в частности тех, кто, по свидетельству Даниила Зеннерта, приведенному в восемнадцатой главе его труда «О согласии и разногласиях галенистов и химиков»⁶, – благодаря долгому опыту обрел уверенность, что в большинстве своем лечебные свойства [растений] становятся известными через сходство с теми частями тела, сигнатурами коих они (растения. – А.К.) отмечены и [соответственным образом] приносятся⁷.
- XVIII. Среди примеров первым упоминают Адама, о котором говорят, что, сведущий в науке сигнатур (*signaturarum scientia*), он нарекает точные имена всем животным земным, небесным птицам и рыбам морским.
- XIX. Затем вспоминают о Соломоне, который, когда осенил его свет природы, с помощью той же науки разбирался во всех птицах и гадах, а также в растениях, от кедра ливанского до иссопа, на стенах растущего.
- XX. Третьим в ряду [авторитетных источников] значится Асклепиадова и догматико-герметическая медицина, в отношении которой считают, что [долгое время] она была покрыта непроглядным мраком [забвения], а ныне сделалась вновь известной.
- XXI. *Отвлеченным доказательством*, которое называют перистилем (*περίστουλον*), является расхожая аксиома ученых: Бог и природа ничего не творят напрасно. Отсюда выводят, что если Бог, на мудрейший Творец вещей, и природа, Его вернейшая служительница, – что бы ни существовало в сей достойной восхищения великой вселенной – всё сотворили ради какой-то цели, то же [верно относительно] цвета и внешнего вида растений, а также их запаха, вкуса, размера, соотношения [частей] и всего, что из них возникает. Поэтому следует верить, что сигнатуры были не случайно запечатлены [в растениях], но предназначены [содействовать достижению] определенной и несомненной пользы.
- XXII. В самом деле, продолжают рассуждать [химики], кому иному, как не самим [Богу и природе] мы припишем то, что с их (сигнатур. – А.К.) помощью растения словно бы общаются с людьми⁸ и, являя свои тайные и редкие свойства, искусно указывают на то, каким членам человеческого тела они особенно полезны, когда те нуждаются в исцелении? Словом, [именно] сигнатуры

⁵ Кл. Деодат (Deodatus) (ок. 1603–1628) – базельский врач. Имеется в виду его трактат «*Pantheum Hygiasticum Hippocratico-Hermeticum, De Homini Vita, Ad Centum Et Viginti Annos Salubriter producenda: Libris Tribus Distinctum*» (Bruntruti, 1628).

⁶ Д. Зеннерт (Sennertus) (1572–1637) – немецкий врач и философ, профессор медицины в Виттенберге. См.: *Sennertus D. De chymicorum cum Aristotelicis et Galenicis consensu ac dissensu*. Wittebergae, 1619. P. 605.

⁷ В пп. XVI–XVII приводятся примеры из произведений современных авторов.

⁸ Неявная цитата из Освальда Кролла, особенно склонного осмыслять сигнатуры в лингвистических терминах, см.: *Crollius O. Tractatus de Signaturis internis rerum, seu de vera et viva anatomia majoris & minoris mundi // Crollius O. Basilica chymica...* Genevae, 1643. P. 17–18.

- могут объяснить, каковы [в своем существе] растения, так же как они раскрывают их возраст.
- XXIV. Доказательство от опыта [химии] строят так: всё, что подтверждают чувства и опыт, надлежит принимать как достоверное и несомненное. Чувства и опыт показывают, что [целебные] свойства растений явствуют из сигнатур, в силу чего это должно быть принято как достоверное.
- XXV. Аристотель разделяет бóльшую посылку [этого силлогизма], говоря в третьей главе восьмой книги «Физики»: проверять что-либо [только] разумом, оставляя без внимания [данные] чувств и опыта, есть [проявление] «немощи мысли» (τῆς διανοίας ἀρρωστίαν)⁹.
- XXVI. Меньший член [силлогизма] подтверждается путем приведения примеров или, что то же, перечисления отдельных случаев, чтобы рассмотреть которое как в зеркале (ὡς ἐν κατόπτρῳ) уместно привести две следующие таблицы, просто взятые из [книг] Зенерта и Кролла¹⁰.
- XXIX. Это все об основаниях химиков, утверждающих [возможность точного и полного постижения лечебных свойств растений из их сигнатур]. Желаящие узнать о прочих (т.е. не вошедших в таблицы. – А.К.) растениях, подчиненных власти семи планет, а также о тех, которые несут в себе знаки болезней и, как верят [многие], способствуют [выздоровлению] благодаря этому сходству, – пусть изучают авторов, упомянутых выше, а именно тех, кто писал об этом более обстоятельно.
- XXX. В свою очередь мы перейдем к следующей части нашего обсуждения, а именно к доводам галенистов, отрицающих [заявленный тезис]. Этих доводов два: [суждение] *авторитетов* и *отвлеченное доказательство*.
- XXXI. К числу [авторитетных] *авторов* относят из древних Клавдия Галена, а из более современных Додонея, Либавия, Якоба Шалинга и Мельхиора Зебица.
- XXXII. Гален, который один может заменить собой многих, в книгах [трактата] «О свойствах простых лекарств» неоднократно дает понять, что построения, связанные с познанием свойств растений по их цвету, очертаниям и сходству [с органами тела или проявлениями болезни], имеют мало убеждающей силы¹¹.
- XL. Что касается возражения Кверцетана, он не принимает за сигнатуры [внешнее] устройство растений, особое у каждого [вида], образуемое очертанием, цветом и расположением [частей]. Но [вместо этого] он задумал исследовать свойства [флоры],

⁹ Ср.: «Утверждать, что все покоится и подыскивать обоснования этому, оставив в стороне [свидетельства] чувств, будет какой-то немощью мысли и выражением сомнения не только по поводу частных, но по поводу чего-то общего» (Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М., 1981. С. 227 [253а]).

¹⁰ В пп. XVII–XVIII приводятся две таблицы соответствий между сигнатурами (цветом и обликом) и названиями растений, с одной стороны, и органами тела и болезнями, с другой. Авторство таблиц принадлежит Освальду Кроллу, см.: *Crollius O. Op. cit.* P. 81–103.

¹¹ В пп. XXXIII–XXXIX приводятся суждения прочих авторов, перечисленных в п. XXXI, ослабляющие или прямо опровергающие учение о сигнатурах растений.

- основываясь на трех химических принципах: разумеется, соли, серы и ртути. Отсюда он вывел, что вкус происходит из соли, запах из серы, а цвет из того или другого, но преимущественно из ртути, в силу чего растения устроены по-разному¹².
- XL1. Хотя *отвлеченные доказательства* галенистов в большинстве своем упоминаются другими авторами, здесь достаточно привести лишь два решающих, одно из которых [показывает, что] учение о сигнатурах растений недостоверно, другое – что оно неполно.
- XLII. Первое гласит: если сигнатуры не всегда и не у всех растений обнаруживают [целебные] свойства, а также прямо противоречат некоторым [из них], то, стало быть, [вся] доктрина шатка и недостоверна¹³.
- XLVII. [К примеру], среди растений, означающих члены человеческого тела, капуста, древесные плоды и головки мака всех видов напоминают голову, однако не приносят ей никакой пользы. Найдется ли кто-нибудь столь безумный, кто бы предлагал мак или плод дурмана (*Datulae Stramoniae*)¹⁴ страдающим сонной болезнью? – вопрошает [в этой связи] Либавий...¹⁵
- LI. Другое соображение, которым располагают галенисты для опровержения [учения о сигнатурах], состоит в следующем: если какая-либо доктрина лишена двух орудий открытия: отвлеченного доказательства и опыта, в особенности же опыта, – то она ущербна. Следовательно, и это учение, выводимое из знаков вещей, ущербно. Основанием этого вывода служит то, что оно (учение о сигнатурах. – *А.К.*) не только основывается на непрочном доказательстве, но и неполно в отношении опыта – важнейшего средства познания действенных сил лекарств¹⁶.
- LXXIII. Я решительно признаю, что галенисты имеют намного более весомые основания, чем химики, – весомые в той мере, при которой нельзя [утверждать], что из знаков растений с точностью и полнотой познаются их целебные свойства.
- LXXIV. Не думаю, что стоит еще раз приводить доводы [против учения о сигнатурах]: я их уже представил более чем подробно¹⁷.
- LXXV. [Вместе с тем] я не могу умолчать здесь о том, *что* прямо утверждают Зеннерт и Зебиц¹⁸ в местах, приведенных выше:

¹² Жозеф Дюшен (*Quercetanus*) (ок. 1544–1609) – французский врач-парацельсианец, алхимик. См.: *Quercetanus I. Liber de priscorum philosophorum verae medicinae materia, praeparationis modo, atque in curandis morbis, praestantia.* [Genevae], 1613. P. 104–106.

¹³ В пп. XLIII–XLVI Фабриций детализирует это умозаключение и приводит примеры, подтверждающие его правильность.

¹⁴ По всей вероятности, имеется в виду «*Datura stramonium*» – дурман обыкновенный, травянистое растение из семейства пасленовых.

¹⁵ В пп. XLVIII–L продолжается ряд примеров.

¹⁶ В пп. LIII–LXXI приводятся суждения известных аристотеликов и галенистов, утверждающих приоритет опыта в познании. Начиная с п. LXXII автор излагает свою умеренно-галенистскую позицию.

¹⁷ Этот пункт свидетельствует о том, что Фабриций солидарен с галенистами, чьи доводы и были изложены выше.

¹⁸ Мельхиор Зебиц (*Sebizius*) (1578–1674) – страсбургский врач и профессор медицины, автор многочисленных трудов по медицине.

поскольку ясно, что сигнатуры не всегда и не безупречно обозначают [свойства растений], следует не отбрасывать их всецело, а включать в число прочих способов отыскания этих свойств¹⁹.

- LXXVI. Кроме того, не кажется совершенно случайным, что [природные] вещи согласуются друг с другом по форме, ибо облик и очертание предмета создаются той же формообразующей силой, из которой происходят его внутренняя сущность и все свойства. Таково мое краткое суждение о вопросе, предложенном [к обсуждению]²⁰.
- LXXXVIII. Об Адаме говорят, что, сведущий в науке сигнатур, он нарекает точные имена всем земным животным, небесным птицам и рыбам морским.
- LXXXIX. Я не стану возражать [против взгляда, согласно которому] кажется далеким от истины, что и рыбам дал имена Адам: как бы он их назвал, если Бог не доставил их [к нему]?
- XC. Ибо рыбы не были приведены к Адаму Богом, когда в шестой день Творения он называл земных животных и небесных птиц их именами. Св. Августин в девятой книге [своего труда] «О Книге Бытия буквально»... и многие [позднейшие экзегеты] отсюда заключают, что 1) в Священном Писании – там, где идет речь о наречении животных²¹ – ничего не говорится о рыбах, а называются только два рода приведенных существ; 2) рыбы, особенно крупные, которых едва бы вместили четыре реки, протекавших в Эдеме²², не могли быть доставлены по суше и предстать пред Адамом живыми, разве только посредством двойного чуда; 3) различие полов... было не столь различимо у рыб, как у других существ, приведенных [к праотцу]²³.
- XCI. Хотя те, кто держится противоположного взгляда, возражают, что 1) в сем месте Бытия (2:19–20) обобщенно говорится о всякой живой душе и о всех животных в целом, и что 2) это имянаречение (ὀνομαθεσία) служит свидетельством господства Адама [над земными творениями], – на каждый из этих пунктов можно ответить [следующее]. На первый – то, что явствует из уже сказанного: только земные животные²⁴ были познаны [Адамом]. На второй – что не было необходимости в том, чтобы

¹⁹ См.: *Sennertus D.* Op. cit. P. 605.

²⁰ В пп. LXXVII–LXXXVII дается критический анализ противоположных аргументов химиков. Он начинается с разбора суждений авторов, пользующихся авторитетом у парацельсианцев, затем распространяется на «примеры», представленные в пп. XVIII–XX.

²¹ См.: Быт. 2:19–20.

²² См.: Быт. 2:10–14.

²³ Ср. суждение Августина: «Между тем, надобно думать, что имена рыбам даны были постепенно, после знакомства с их породами» (*De Gen. ad lit. IX.12*) (*Августин. Творения: в 4 т. Т. 2: Теологические трактаты.* СПб.; Киев, 2000. С. 542). Третье соображение, отдаленно подразумеваемое и Августином, восходило к такой интерпретации этого библейского сюжета, согласно которому Адам, заметив «парность» всех животных, задумался о своей «половине».

²⁴ В данном случае Фабриций не упоминает о птицах, видимо, потому, что, говоря о «*Terrae Animalia*», имеет в виду и их, как тоже образованных из земли, ср.: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку» (Быт. 2:19).

посредством наименования Адам распространил свою власть на абсолютно всех живых существ. В противном случае он должен был бы наречь и растения, а также все бесчисленные виды камней и смешанных тел, власть над которыми он несомненно получил от Бога. [Однако] конечно, было достаточно дать имена самым значительным из вверенных ему существ, в силу чего его господство над всеми [созданиями] легко разумелось бы само собою.

ХСII. При этом я не хочу устранять вопрос, были ли имена животных изначально запечатлены по природе (φύσει) или же установлены Адамом условно (θεσει). В своей книге «О священной философии» Франциск Валлезий²⁵ так обосновал первую из [этих возможностей, в согласии с которой Адам] не столько создавал имена своим разумом, как считаю я, сколько извлекал (erueret) их истину [из самих творений]: если Адам [действительно] нарек всех животных их собственными именами, то похоже, что они имели их прежде своего наречения [праотцем]²⁶. Иначе бы [говорилось, что] он не нарек [животных] их именами, но дал им [сам] имена. Ибо если у животных уже были имена до их наречения, то они произошли не из [человеческого] установления и обычая, а из субстанций [самих] предметов. Следовательно, названия согласуются с вещами естественным образом (naturaliter), а не в силу произволения людей²⁷. Другие, со своей стороны, пытаются доказать то же самое, исходя из естественного характера органов речи²⁸.

ХСIII. Между тем заключение Валлезия ложно, что и сам он признаёт в конце той же третьей главы, [когда утверждает, что] имена не имеют ничего [общего] с вещами, кроме значения (significationem), которое возникает из явного или подразумеваемого соглашения людей. Не приводя иных соображений [в защиту тезиса о природности имен], он добавляет, что Адам в том смысле нарек вещи их именами, как если бы было сказано, что он дал им подходящие (proprias), наиболее соответствующие названия²⁹. И сколь бы [сами по себе] природными ни были органы речи: гортань, язык, нёбо, зубы, обе губы и собственно голос, необработанный и лишенный артикуляции, каковы обычно звуки, издаваемые животными, вроде рыканья львов, мычания волов, ржания лошадей..., – из этого вовсе не следует, что и образ [человеческой] речи, или звук, который образуется членораздельным, наделен последовательностью и сочетанием и считается

²⁵ Фр. Валлезий (Vallés) (1524–1592) – знаменитый испанский врач, профессор медицины и писатель.

²⁶ Ср. в Вульгате: «Appellavitque Adam *nomibus suis* (курсив мой. – А.К.) cuncta animantia, et universa volatilia caeli, et omnes bestias terrae» (Gen. 2:20).

²⁷ См.: *Vallesius F. De iis quae scripta sunt physice in libris sacris, sive de sacra philosophia. Augusta Taurinorum, 1587. P. 63–64.*

²⁸ Вероятно, имеется в виду теория лингвогенеза, восходящая к стоикам. В соответствии с ней, язык возник из подражания звукам и впечатлениям, производимым предметами в окружающем мире.

²⁹ См.: *Vallesius F. Op. cit. P. 81.*

речью в собственном смысле, должен так же называться природным. Ибо невозможно отрицать, что он зависит от установления людей и усваивается путем [целенаправленных] усилий и обучения.

- XCIV. Итак, вещи получили свои имена по соглашению (θέσει), что можно также доказать с помощью [ссылки на] авторитет и рассуждения. Авторитетом [в данном случае] служит Аристотель, который в книге «Об истолковании» (Περὶ Ἑρμηνείας) говорит: «От природы нет никакого имени» (Φύσει τῶν ὀνομάτων οὐδὲν ἔστι)³⁰. Рассуждение, построенное на сведении к абсурду, предлагает Рафаэль Аверса в шестом вопросе второго раздела «Логики»³¹, где замечает: если бы какая-либо вещь получила имя от самой природы, то все племена и народы необходимо должны были бы называть ее этим именем. И [напротив] если имя из самой своей сущности точно бы выражало некую вещь, то именно это обозначение всегда сохраняли бы все народы. Однако известно, что все обстоит не так: та же самая вещь имеет у разных народов разные имена, а одно и то же звучание (vox) в языках различных видов обозначает совершенно несхожие предметы, или [же] в одних языках имеет значение, а в прочих нет.
- XCV. Нельзя ли дать более предпочтительное объяснение, чем [именно] был наделен Адам как средством, благодаря которому наш Творец имен (Ὀνομαθέτης) нарек животных, каждое своим именем?
- XCVI. Ведь то, что он был создан обученным знанию сигнатур, не станет утверждать никто, кроме одних только химиков и их последователей.
- XCVII. На взгляд почти всех теологов, [Адам сумел сделать это] в силу той величайшей мудрости (sapientia), что была сотворена вместе [с ним] и дарована ему, когда он был создан по образу Бога.
- XCVIII. В частности, Липпомано³²... учит, что благодаря своей величайшей мудрости, Адам наделил животных наиболее подходящими им названиями³³.
- СII. [Итак], посредством сотворенной с ним мудрости наш Праотец (Protoplastes) дал имена животным, [исходя] не из внешних их знаков, как думают химики, а из внутренних свойств, способностей и характера, стремлений и действий, о чем, по мнению Липпомано... и других [ученых], свидетельствуют древнееврейские названия животных. Сей язык был родным для Адама и начальным относительно всех остальных.

³⁰ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 94 [16a].

³¹ Рафаэль Аверса (Aversa) (1588–1657) – итальянский католический богослов. См.: *Aversa R. Logica: institutionibus praevis quaestionibus contexta*. Roma, 1623. P. 119–121.

³² Луиджи Липпомано (Lipomanus) (1496–1559) – католический деятель и духовный писатель. Имеется в виду его труд «Catenaе in Genesin: ex authoribus ecclesiasticis plus minus sexaginta» (Parisiis, 1546).

³³ В пп. XCIX–CI автор приводит еще три авторитетных свидетельства в пользу тезиса XCVII.

- СIII. Пусть примерами станут названия лошади, быка, льва, осла и оленя.
- СIV. Древнееврейское название лошади «*sus*» происходит от [слова] «веселость», так как лошадь жизнерадостна по природе и [потому] веселит седока своей живостью. Об этом учит в [комментариях на] на вторую главу Бытия рабби Бекхай³⁴, цитируемый Буксторфом в «Словаре»³⁵.
- CV. Бык называется на иврите «*Allaph*», что означает «вожак» или «предводитель», ведь он и есть в своем роде предводитель, идущий во главе стада. [Название] восходит к корню «*Allaph*» – «научился», «привык», о чем смотри опять же в словарях Буксторфа и Авенария³⁶.
- СIX. Перехожу от Адама к Соломону, о ком химики сообщают, что, когда осенил его свет природы, он при помощи знания сигнатур стал разбираться [в растениях], от кедра ливанского до ископа..., а также во всех птицах и гадах.
- СX. В ответ скажу, что Соломон разумел все это едва ли не вследствие чуда – и не за счет познания сигнатур, но благодаря необычайной мудрости, полученной им от Бога в столь великой мере, что ни до, ни после него не было ему равных, как о том читаем в Третьей Книге Царств (2:35). Посему не только царица Савская посетила его (2 Пар 9:1–12; Лк. 11:31), но и вся Земля желала видеть лицо его (2 Пар 9:22–23).
- СXI. Я сильно сомневаюсь поэтому, что стоит приписывать служению природы и смутным ее огням (*obscuris facibus*) то, что было принято относить к несказанной мудрости Соломона и лучезарному свету [Божьей] благодати³⁷.
- СXVIII. В качестве третьего основания химики приводят *отвлеченное доказательство*, которое считают неотразимым... Они строят его так: если Бог и Природа ничего не сотворили напрасно из всей совокупности вещей, то, стало быть, и сигнатуры вовсе не случайно обретаются в растениях, но созданы с определенной и несомненной целью. Цель же эта видится [им] в том, чтобы через них (знаки. – А.К.) с точностью и полнотой познавались сущности растений – то [именно], что обозначено посредством этих «собеседований» с людьми и экспозиции сокрытых и труднодоступных... свойств, посредством указаний на искусный и полезный способ лечения, а также выражения возраста и самых внутренних свойств [существ]. Таким образом, эту цель нужно принимать как несомненную и доподлинную,

³⁴ Рабби Бекхай (Beschai) – известный каббалист и толкователь Торы XIII в.

³⁵ Иоганн Буксторф (Buxtorf) (1564–1629) – ученый-гебраист, профессор Базельского университета. По-видимому, имеется в виду его труд «*Lexicon Hebraicum et Chaldaicum cum brevi Lexico Rabbinico Philosophico*» (Basilea, 1607).

³⁶ Авенарий (*Avenarius*) (наст. имя Иоганн Хаберманн) (1516–1590) – лютеранский богослов и филолог-классик, автор словаря иврита «*Liber radicum sive Lexicon hebraicum*» (Wittenberg, 1568). В пп. CVI–CVIII перечисляются древнееврейские названия остальных животных, упомянутых выше, и дается их этимология – с опорой на те же источники.

³⁷ В пп. CXI–CXVII подвергается критике идея генеалогической причастности учения о сигнатурах к Асклеиадовой и герметической медицине.

- если только мы не намерены утверждать, что сигнатуры запечатлены в растениях напрасно.
- СХІХ. Возражу на этот вывод, что, во-первых, [в нем] нарушена логическая связь: сигнатуры созданы с определенной целью, следовательно эта цель не в чем ином, как в том чтобы полно и точно являть лечебные свойства растений. На самом же деле у них может иметься и другая цель, так же как и причина, по которой они произведены и открыты [познанию. Так что] влияние матери, характер творческой силы, соразмерность и свойства самих [растений], положение (*constitutio*) неба и земли, в которой они зарождаются, оспаривают [право считаться такой причиной], как о том напоминает Зебиц в указанном выше фрагменте.
- СХХ. Во-вторых, [химики] доказывают недостоверное через столь же недостоверное, когда утверждают, что знаки растений способны беседовать с людьми, обнажать свойства потаенных вещей, выражать искусный метод лечения и выявлять все остальное.
- СХХІ. Также недействительно и это доказательство: если сигнатуры установлены не для обозначения свойств растений, то, стало быть, созданы бесцельно. Ибо надо различать первичную и вторичную цели: когда что-либо создано ради первичной цели, оно может вовсе не иметь вторичной. При этом первичная цель всего сотворенного заключается в том, чтобы быть украшением и довершением целого мира, тогда как вторичная – это польза для человека. Так, растения, какими бы они ни были, суть естественные тела, которые, в согласии с первичной целью, служат довершением всего мира, а, в соответствии со вторичной и [лишь] отчасти, созданы для употребления людьми. Равным образом и свои сигнатуры они получили сначала ради общего изящества вселенной, а затем, частично, для удовлетворения человеческих нужд³⁸.
- СХХІV. Что касается последнего основания химиков, заимствуемого ими из опыта, то, желая скорее закончить [эту дискуссию], я охотно уступаю [им] большую посылку силлогизма³⁹. Ибо мое согласие касается только этой части и отнюдь не распространяется на то, что целебные свойства всех растений явствуют из сигнатур с точностью и полнотой. Всякий видит, что было бы *ἄλογον* (неразумным. – А.К.) хотеть вывести [из большей посылки] универсальное заключение [такого рода].
- СХХV. Подтверждение этого [заключения], помещенное в две таблицы, тоже недостоверно⁴⁰, поскольку оно не содержит всех [возможных] примеров или [хотя бы] достаточного перечня частей, как это может быть понято из пп. 44–49, 51, 52.

³⁸ В пп. СХХІІ–СХХІІІ автор снова приводит примеры расхождения между формальным сходством растений с проявлениями тех или иных недугов и их (трав) действительными свойствами, чтобы продемонстрировать ограниченность наличия вторичной цели в области флоры.

³⁹ Речь идет о положении: всё, что подтверждают чувства и опыт, надлежит принимать как достоверное и несомненное (см. пп. ХХІV–ХХV).

⁴⁰ См. п. ХХVІ и прим. 9.

- CXXVI. Было бы правильным составить [новую сводку] растений, подчиненных власти планет, тех [в частности], что имеют сигнатуры болезней и тех, что, на взгляд многих, помогают [исцелению] благодаря сходству (с частями тела? – А.К.). [Однако] я не хотел [здесь] приводить пространственный каталог, включающий все эти [растения], ибо ни замысел моего трактата, ни малость времени, отведенного на [его] написание, не позволяли мне сделать этого.
- CXXVII. Итак, это все, что я привел в качестве возражения на четвертое и все вообще доказательства химиков, чтобы поставить точку в этом вопросе. Мне осталось всеми силами просить благосклонных читателей, чтобы они восприняли все сказанное мной с беспристрастием и возжелали бы исполниться убеждения, что я предпринял это ботаническое исследование отнюдь не из-за тяги к словопрениям, но только ради отыскания истины и упражнения [в науке], а также для того, чтобы умерить палящий зной, уже долгое время стоящий в Риме⁴¹.

Перевод с латинского языка и комментарии А.В. Карабыкова

Список литературы

- Августин*. Творения: в 4 т. Т. 2: Теологические трактаты / Пер. с лат. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. 751 с.
- Аристотель*. Сочинения: в 4 т. / Пер. с древнегреч. под общ. ред. В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976–1983.
- Карабыков А.В.* «И нарек человек имена...»: стратегии воссоздания адамического языка в культуре Ренессанса // *Человек*. 2014. № 5. С. 114–131.
- Карабыков А.В.* Трансформация метафизики первоначального языка в ренессансном каббализме // *Вопросы философии*. 2016. № 3. С. 186–197.
- Карабыков А.В.* Язык Адама, иероглифика египтян и «эмблематическое мировоззрение» Ренессанса // *Вопросы философии*. 2017. № 1. С. 133–153.
- Койре А.* Мистики, спиритуалисты, алхимики Германии XVI века / Пер. с фр. А.М. Руткевича. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 169 с.
- Лейбниц Г.-В.* Сочинения: в 4 т. Т. III / Пер. с фр. и лат. под общ. ред. Г.Г. Майорова и А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1984. 734 с.
- Майер П.* Парацельс – врач и провидец. Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме / Пер. с нем. Е.Б. Мурзина. М.: Новый Акрополь, 2014. 560 с.
- Aarsleff H.* From Locke to Saussure: Essays on the Study of Language and Intellectual History. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. 431 p.
- Agrippa ab Netteszheim.* De Occulta Philosophia. Libri Tres. Coloniae, 1533. 362 p.
- Aristotle's Compleat Master-Piece.* Displaying the Secrets of Nature in the Generation of Man. L., 1728. 144 p.
- Ashworth W.B., Jr.* Emblematic Natural History of the Renaissance // *Cultures of Natural History* / Ed. by N. Jardine, J.A. Secord, E.C. Spary. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 17–38.
- Avenarius J.* Liber radicum sive Lexicon hebraicum. Wittenberg: Crato, 1568.
- Aversa R.* Logica: institutionibus praeviis quaestionibus contexta. Roma: Jacobus Mascardus, 1623. 704 p.

⁴¹ Это, разумеется, шутка. Фабриций работал над своими тезисами в Риме, где защитил их в 1652 г. и спустя несколько месяцев скоропостижно умер от брюшного тифа.

- Bacon F.* The Works: in 14 Vols. Vol. III. L.: Longmans & Co, 1870. 836 p.
- Bennett B.C.* Doctrine of Signatures: An Explanation of Medicinal Plant Discovery or Dissemination of Knowledge? // *Economic Botany*. 2007. No. 61 (3). P. 248–255.
- Benzenhöfer U., Gantenbein U.L.* Paracelsus // *Dictionary of Gnosis & Western Esotericism* / Ed. by W. Hanegraaff. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 922–931.
- Bianchi M.L.* Signatura rerum: segni, magia e conoscenza da Paracelso a Leibniz. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1987. 199 p.
- Buxtorfius J.* Lexicon Hebraicum et Chaldaicum cum brevi Lexico Rabbinico Philosophico. Basilea: Conradus Waldkirchus, 1607.
- Crollius O.* Basilica chymica: pluribus selectis et secretissimis propria manuali experientia approbata descriptionibus, et usu Remdiorum chymicorum selectissimorum. Genevae: Chouet, 1643. 399 p.
- Deodatus C.* Pantheum Hygiasticum Hippocratico-Hermeticum, De Hominis Vita, Ad Centum Et Viginti Annos Salubriter producenda: Libris Tribus Distinctum. Bruntruti: Darbellay, 1628. 954 p.
- Ellistone J.* Preface to the Reader // *Signatura rerum, or, The signature of all things...* by Jacob Behmen, aliàs Teutonicus Phylsophus. L.: Printed by John Macock for Gyles Calvert, 1651.
- Fabricius W.A.* ΑΠΟΡΗΜΑ ΒΟΤΑΝΙΚΟΝ. De signaturis plantarum. Norimbergae: Wolfg. Endterus, 1653. 38 p.
- Gesner C.* Historiae animalium. Lib. I: De quadrupedibus viviparis... Zurich: Tiguri apud Christ. Froschoverum, 1551. 1104 p.
- Gesner C.* De rerum fossilium, lapidum et gemmarum maxime, figuris et similitudinibus liber. Zurich: J. Gesner, 1565. 169 p.
- Goltz D.* Naturmystik und Naturwissenschaft in der Medizin um 1600 // *Sudhoffs Archiv*. 1976. No. 60 (1). P. 45–65.
- Goodrick-Clarke N.* The Western Esoteric Traditions: a Historical Introduction. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2008. 286 p.
- Haage B.D.* Paracelsus zwischen Spiritualität und Wissenschaft // *Mystik und Natur. Zur Geschichte ihres Verhältnisses vom Altertum bis zur Gegenwart* / Hrsg. von P. Dinzelsbacher. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2009. S. 87–100.
- Lemnius L.* De miraculis occultis naturae libri IIII. Coloniae Agrippinae: Apud Theodorum Baumium, 1583. 627 p.
- Lipomanus L.* Catenae in Genesin: ex authoribus ecclesiasticis plus minus sexaginta. Parisiis: Guillard, 1546.
- Pagel W.* Paracelsus. An Introduction to Philosophical Medicine in the Era of Renaissance. Basel; N.Y.: Karger, 1982. 399 p.
- Paracelsus.* Aurora Thesaurusque Philosophorum, Theophrasti Paracelsi, Germani Philosophi et Medici cunctis omnibus accuratissimi. Basiliae, 1577. 191 s.
- Paracelsus.* Sämtliche Werke. I Abt. Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften: in 14 Bdn. / Hrsg. von K. Sudhoff. München; Berlin: K. Oldenbourg, 1922–1933.
- Porta I.B.* Magiae naturalis libri viginti. Hanoviae: Typis Wecheliani, 1619. 622 p.
- Quercetanus I.* Liber de priscorum philosophorum verae medicinae materia, praeparationis modo, atque in curandis morbis, praestantia. [Genevae]: Thom. Schürer & Barth. Voigt, 1613. 480 p.
- Ray J.* Catalogus Plantarum circa Cantabrigiam nascentium. Cantabrigiae: Joann. Field, 1660. 182 p.
- Rothstein M.* Etymology, Genealogy, and the Immutability of Origins // *Renaissance Quarterly*. 1990. No. 43 (2). P. 332–347.
- Schöne A.* Emblematik und Drama im Zeitalter des Barock. München: C.H. Beck, 1993. 248 S.
- Sennertus D.* De chymicorum cum Aristotelicis et Galenicis consensu ac dissensu. Wittebergae: Zaharia Shurerus, 1619. 709 p.
- Stolzenberg D.* Universal History of the Characters of Letters and Languages: An Unknown Manuscript by Athanasius Kircher // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 2011–2012. No. 56–57. P. 305–321.
- Temkin O.* Galenism: Rise and Decline of a Medical Philosophy. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1973. 240 p.

Vallesius F. De iis quae scripta sunt physice in libris sacris, sive de sacra philosophia. Augusta Taurinorum: Haeres Nicolai Beuilaquae, 1587. 656 p.

Vickers B. Critical Reactions to the Occult Sciences During the Renaissance // The Scientific Enterprise / Ed. by E. Ullmann-Margalit. Dordrecht: Springer, 1992. P. 43–92.

Following Adam's road: the problem of restoring of the primordial language in Paracelsian philosophy

Appendix: *Wolfgang Ambrosius Fabricius.*

Ἀπόρημα βοτανικόν. On the signatures of plants (1653)*

Anton V. Karabykov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Str., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: meavox@mail.ru

The goal of the article is to explore the system of beliefs and presumptions underlying the linguo-philosophic and semiotic constructions developed by Paracelsus and his followers as well as their views on the essence and modes of finding of the primordial language. That system and those views are explored in the context of the “Adamistic” studies of the 15th – 17th cc. and of the Paracelsian doctrine as a whole. Special attention is paid to Paracelsus' interpretation of the biblical stories about the world and the human creation, the original naming and the Fall, since this interpretation elucidates the meaning of the abovementioned constructions. It is argued that in the light of Paracelsianism, the acquisition, as well as the very poesis of the *Ursprache* depends directly on one's proficiency in the art of interpreting the signatures (*Kunst signata*) implanted by God in natural things. That art the theory of which was developed by Paracelsus on a basis of folk medicine practice played a major role in the “Adamistic” speculations of Paracelsians and marginalized the linguo-philosophic issues. They portrayed Adam as a paradigmatic hermeneutist of the natural world and used the biblical story about the naming of animals and birds (Gen. 2.19–20) chiefly for legitimizing the doctrine of signatures, which was central to the medicine and natural philosophy of Paracelsus.

The research is supplemented with an abridged translation of the treatise written by the German scholar Wolfgang Ambrosius Fabricius Ἀπόρημα βοτανικόν. *De signaturis plantarum* (1653). That text is devoted to a critical analysis of the Paracelsian doctrine of signatures from the position of a moderate Galenism, which dominated in the university medicine of that age.

Keywords: Paracelsus, Emblematic World View, Renaissance Neoplatonism, hermeneutics of nature, signatures of things, Genesis, history of science and medicine

For citation: Karabykov, A.V. “Putem Adama: problema vossozdaniya iznachal'nogo yazyka v paratsel'sianskoj filosofii” [Following Adam's road: the problem of restoring of the primordial language in Paracelsian philosophy], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 2, pp. 68–96. (In Russian)

References

Aarsleff, H. *From Locke to Saussure: Essays on the Study of Language and Intellectual History*. Minneapolis, Minn.: University of Minnesota Press, 1982. 431 pp.

Agrippa ab Netteszheim. *De Occulta Philosophia. Libri Tres*. Coloniae, 1533. 362 pp.

* The study was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-011-00601 “The ‘Book of Nature’ in the Renaissance and early modern hermeneutic strategies”.

- Aristotle. *Sochinenija* [Works], 4 Vols, ed. by V.F. Asmus. Moscow: Mysl' Publ., 1976–1983. (In Russian)
- Aristotle's *Compleat Master-Piece. Displaying the Secrets of Nature in the Generation of Man*. London, 1728. 144 pp.
- Ashworth, W.B., Jr. "Emblematic Natural History of the Renaissance", *Cultures of Natural History*, ed. by N. Jardine, J.A. Secord, E.C. Spary. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 17–38.
- Augustine. *Tvorenija, Vol. 2: Teologicheskije traktaty* [Works, Vol. 2: Theological treatises], St. Petersburg: Aleteja Publ.; Kiev: UTSIMM-Press Publ., 2000. 751 pp. (In Russian)
- Avenarius, J. *Liber radicum sive Lexicon hebraicum*. Wittenberg: Crato, 1568.
- Aversa, R. *Logica: institutionibus praevis quaestionibus contexta*. Roma: Jacobus Mascardus, 1623. 704 pp.
- Bacon, F. *The Works*, Vol. III. London: Longmans & Co, 1870. 836 pp.
- Bennett, B.C. "Doctrine of Signatures: An Explanation of Medicinal Plant Discovery or Dissemination of Knowledge?", *Economic Botany*, 2007, No. 61 (3), pp. 247–255.
- Benzenhöfer, U. & Gantenbein, U.L. "Paracelsus", *Dictionary of Gnosis & Western Esotericism*, ed. by W.J. Hanegraaff. Leiden; Boston: Brill, 2006, pp. 922–931.
- Bianchi, M.L. *Signatura rerum: segni, magia e conoscenza da Paracelso a Leibniz*. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1987. 199 pp.
- Buxtorfius, J. *Lexicon Hebraicum et Chaldaicum cum brevi Lexico Rabbinico Philosophico*. Basilea: Conradus Waldkirchus, 1607.
- Crollius, O. *Basilica chymica: pluribus selectis et secretissimis propria manuali experientia approbata descriptionibus, et usu Remdiorum chymicorum selectissimorum*. Genevae: Chouet, 1643. 399 pp.
- Deodatus, C. *Pantheum Hygiasticum Hippocratico-Hermeticum, De Hominis Vita, Ad Centum Et Viginti Annos Salubriter producenda: Libris Tribus Distinctum*. Bruntruti: Darbellay, 1628. 954 pp.
- Ellistone, J. "Preface to the Reader", *Signatura rerum, or, The signature of all things... by Jacob Behmen, aliàs Teutonicus Philosophus*. London: Printed by John Macock for Gyles Calvert, 1651.
- Fabricius, W.A. *ΑΠΟΦΗΜΑ ΒΟΤΑΝΙΚΟΝ. De signaturis plantarum*. Norimbergae: Wolfg. Endterus, 1653. 38 pp.
- Gesner, C. *Historiae animalium, Lib. I: De quadrupedibus viviparis...* Zurich: Tiguri apud Christ. Froschoverum, 1551. 1104 pp.
- Gesner, C. *De rerum fossilium, lapidum et gemmarum maxime, figuris et similitudinibus liber*. Zurich: J. Gesner, 1565. 169 pp.
- Goltz, D. "Naturmystik und Naturwissenschaft in der Medizin um 1600", *Sudhoffs Archiv*, 1976, No. 60 (1), pp. 45–65.
- Goodrick-Clarke, N. *The Western Esoteric Traditions: a Historical Introduction*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 286 pp.
- Haage, B.D. "Paracelsus zwischen Spiritualität und Wissenschaft", *Mystik und Natur. Zur Geschichte ihres Verhältnisses vom Altertum bis zur Gegenwart*, hrsg. von P. Dinzelsbacher. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009, S. 87–100.
- Karabykov, A.V. "‘I narek chelovek imena’: strategii vossozdaniya adamicheskogo jazyka v kul'ture renessansa" ['So the man gave names': the strategies of reconstitution of the Adamic language in Renaissance culture], *Chelovek*, 2014, No. 5, pp. 114–131. (In Russian)
- Karabykov, A.V. "Jazyk Adama, ieroglifika egipt'an i 'emlematicheskije mirovozzrenije' Rennessansa" [The Language of Adam, Egyptian Hieroglyphics and the 'Emblematic World View' of the Renaissance], *Voprosy filosofii*, 2016, No. 10, pp. 133–153. (In Russian)
- Karabykov, A.V. "Transformazija metafiziki pervozdannogo jazyka v renessansnom kabbal'izme" [The Transformation of the Primordial Language Metaphysics in the Renaissance Cabbalism], *Voprosy filosofii*, 2016, No. 3, pp. 186–197. (In Russian)
- Koyre, A. *Mistiki, spiritualisty, alkhimiki Germanii XVI veka* [Mystics, spiritualists, alchemists of the 16th century German], trans. by A.M. Rutkevich. Dolgopudnyj: Allegro-Press Publ., 1994. 169 pp. (In Russian)

- Leibniz, G.W. *Sochinenija* [Works], Vol. III., ed. by G.G. Majorov and A.L. Subbotin. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 734 pp. (In Russian)
- Lemnius, L. *De miraculis occultis naturae libri IIII*. Coloniae Agrippinae: Apud Theodorum Baumium, 1583. 627 pp.
- Lipomanus, L. *Catena in Genesis: ex authoribus ecclesiasticis plus minus sexaginta*. Parisiis: Guillard, 1546.
- Meier, P. *Paracels – vrach I providetz. Razmyshlenija o Teofraste fon Gogengejme* [Paracelsus: a doctor and prophet. A reflection on Theophrastus von Hohenheim], trans. by E.B. Murzin. Moscow: Novyj Akropol Publ., 2014. 560 pp. (In Russian)
- Page, W. *Paracelsus. An Introduction to Philosophical Medicine in the Era of Renaissance*. Basel; München: Karger, 1982. 399 pp.
- Paracelsus. *Aurora Thesaurusque Philosophorum, Theophrasti Paracelsi, Germani Philosophi et Medici cunctis omnibus accuratissimi*. Basiliae, 1577. 191 pp.
- Paracelsus. *Sämtliche Werke. I Abt. Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften*, 14 Bdn., hrsg. von K. Sudhoff. München; Berlin: K. Oldenbourg, 1922–1933.
- Porta, I.B. *Magiae naturalis libri viginti*. Hanoviae: Typis Wecheliani, 1619. 622 pp.
- Quercetanus, I. *Liber de priscorum philosophorum verae medicinae materia, praeparationis modo, atque in curandis morbis, praestantia*. [Genevae]: Thom. Schürer & Barth. Voigt, 1613. 480 pp.
- Ray, J. *Catalogus Plantarum circa Cantabrigiam nascentium*. Cantabrigiae: Joann. Field, 1660. 182 pp.
- Rothstein, M. “Etymology, Genealogy, and the Immutability of Origins”, *Renaissance Quarterly*, 1990, Vol. 43, No. 2, pp. 332–347.
- Schöne, A. *Emblematik und Drama im Zeitalter des Barock*. München: C.H. Beck, 1993. 248 pp.
- Sennertus, D. *De chymicorum cum Aristotelicis et Galenicis consensu ac dissensu*. Wittebergae: Zaharia Shurerus, 1619. 709 pp.
- Stolzenberg, D. “Universal History of the Characters of Letters and Languages: An Unknown Manuscript by Athanasius Kircher”, *Memoirs of the American Academy in Rome*, 2011–2012, Vol. 56–57, pp. 305–321.
- Temkin, O. *Galenism: Rise and Decline of a Medical Philosophy*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1973. 240 pp.
- Vallesius, F. *De iis quae scripta sunt physice in libris sacris, sive de sacra philosophia*. Augusta Taurinorum: Haeres Nicolai Beulaquae, 1587. 656 pp.
- Vickers, B. “Critical Reactions to the Occult Sciences During the Renaissance”, *The Scientific Enterprise*, ed. by E. Ullmann-Margalit. Dordrecht: Springer, 1992, pp. 43–92.